

Саша Игин

**Кухня без оценок 14:
Компот для тёщи**

Саша Игин

Кухня без оценок

14: Компот для тёщи

<https://litres.ru/74012849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Апрельское утро Александра Николаевича начинается не с кофе, а с птичьего скандала. Щегол Профессор устраивает концерт в шесть утра, кот Боцман шурится, а сам хозяин пытается отвоевать у весны хотя бы полчаса сна. Но покой нарушает новость поважнее серенад: Галка получила звонок из Пскова. Её дочь Лена, с которой они не общались пять лет, приезжает в гости с мужем и двумя детьми.

Пока Галка переживает, как встретить родных после долгого молчания, Александр Николаевич вспоминает собственную историю. Он когда-то сам был нелюбимым зятем. Спасал положение не деньгами и подарками, а компотом. Кисло-сладкий напиток из антоновки с мятой стал его оружием против строгой тёщи. Теперь он решает повторить старый рецепт — чтобы растопить лёд, познакомиться с внуками и доказать: семья там, где ждут, а не там, где кровь. Глава — о том, как одна кастрюля компота может заменить годы обид и сделать чужих людей

родными. И о том, что животные и дети понимают друг друга без слов — в отличие от взрослых.

Саша Игин

Кухня без оценок

14: Компот для тёщи

Часть первая. Звонок из Пскова

Глава 1. Утро

В тот апрельский день я проснулся от того, что Профессор решил устроить концерт, с правом на внеочередное исполнение. Щегол заливался на все лады, выводил такие сложные, витиеватые трели, что даже Бецман, спавший у меня в ногах, приоткрыл один глаз и недовольно мяукнул — тем особенным, горловым «мрряу», которое означало: «Я кот, я сплю до девяти, а ты, пернатый, нарушаешь конституцию». Кот не любил, когда его будили раньше времени. Особенно если это делала птица, с которой он много лет назад заключил хрупкое, вечно балансирующее на грани войны перемирие.

— Тише, Профессор, — прохрипел я спросонья, натягивая одеяло на голову. — Ещё шесть утра. Дайте поспать старику.

Щегол затих ровно на секунду — я даже успел подумать, что он сжалился или, может быть, набрался культурных манер. Но нет. Он просто набрал воздуха в зоб. И выдал такую трель, что Бецман подскочил как ошпаренный, выпустил когти (впившись ими в пододеяльник, который я потом

неделю зашивал) и недовольно зашипел в сторону клетки. Шипение было долгим, многообещающим, со старыми кошачьими интонациями — мол, я тебя запомнил, пернатый.

Птица крутила головой на сто восемьдесят градусов — что в полусвете выглядело жутковато, как в фильме ужасов про кукольный театр. Она нахохливалась, потом расправляла пёрышки, чистила клюв о жёрдочку и снова заливалась — с ещё большим энтузиазмом, будто решила побить личный рекорд по децибелам. Казалось, ей было совершенно всё равно на мои просьбы, на кошачье недовольство и даже на то, что за окном только-только серело. Воробьи на берёзе ещё молчали — значит, Профессор решил устроить сольный концерт, с правом на внеочередное исполнение.

Весна, гормоны, брачный сезон — я понимал. Я и сам когда-то в молодости вскакивал ни свет, ни заря, правда, не пением занимался, а бежал на первую лекцию, проверять домашние задания у заочников. Но понимание не отменяло желания поспать ещё хотя бы полчаса. Я повернулся на другой бок, накрыл голову подушкой — и тут же услышал, как Галка возится на кухне. Она всегда вставала раньше меня, ещё с тех пор, как работала в школе — сорок лет привычка брала своё. Даже на пенсии она не могла валяться в постели позже семи. «Время — это единственное, что нельзя купить или вернуть», — говаривала она, и я с ней соглашался, но только после восьми утра.

— Не спится? — крикнул я с кровати, понимая, что сон

уже ушёл безвозвратно.

— Не шуми, — ответила Галка из кухни. — Чайник вскипел. Вставай, Саша. Солнце встаёт, птица поёт — грех спать.

— Это не птица поёт, это Профессор с ума сошёл. Ему бы лекцию прочитать в университете, а он тут соловьём разливается.

— А ты ему лекцию прочитай. Воспитай. Ты же педагог.

Я вздохнул. В этом аргументе она была непобедима.

Я накинул халат — старый, махровый, с оторванной пуговицей, которую я всё никак не пришью, потому что Галка говорит, что это «придаёт ему особый шарм». Надел тапки — те самые, шерстяные, дочкины, которые она связала мне прошлым Рождеством, и которые пахнут домашним уютом и немного кошачьей мятой (потому что Боцман иногда спит в них, когда считает, что я их заслужил). Прошлёпал на кухню.

Галка стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. В воздухе пахло мятным чаем, свежим хлебом (она испекла его ещё в пять утра — без дрожжей, на закваске, по старинному рецепту) и чем-то сладким — может быть, ванилью, а может, яблочным повидлом, которое она достала с дальней полки. Светильник над столом горел мягким жёлтым светом, и лучи апрельского солнца уже пробивались сквозь занавески — те самые, в мелкий цветочек, которые мы купили на рынке у тёти Веры два года назад и до сих пор не могли радоваться.

— Галка, чего он сегодня? — спросил я, садясь за стол и

потирая слипающиеся глаза. — Обычно он начинает в шесть тридцать, а сегодня — без пятнадцати шесть. Он что, перевёл часы?

— Весна, — ответила она, улыбаясь той особенной улыбкой, которая появлялась у неё только по утрам — когда она ещё не успела загрузиться повседневными заботами. — Птицы поют. Солнце встаёт раньше, и они этому радуются. Ты бы тоже радовался. Жизнь, знаешь ли, короткая. Каждое утро — подарок.

— Он не птица, он профессор. Ему положено читать лекции, а не серенады по утрам в шестом часу. Я на кафедре таких студентов отчислял за неуважение к тишине. У нас было правило: до восьми утра — зона молчания. Нарушителей — на пересдачу.

Профессор, услышав своё имя, издал особенно громкое «чиу-чиу-чиу-пу-пу-уууу» и принялся чистить пёрышки, как будто ничего особенного не произошло. Будто не он только что устроил концерт, а кто-то другой. Делал он это с таким видом, что я невольно вспомнил своих старых студентов, которые перед экзаменом изображали невероятную занятость, хотя на самом деле просто тянули время.

Педагогическое отступление № 0: о том, почему учителя всегда встают рано

Я задумался об этом, глядя, как Галка разливает чай. Знаете, есть стереотип, что учителя — это люди, которые привыкли вставать рано потому, что школа начинается в восемь.

Но это не вся правда. Настоящий учитель, тот, который остаётся учителем даже после выхода на пенсию, просыпается рано, потому что его будит... беспокойство. Мысль о тех, кого ты забыл научить чему-то важному. О лекции, которую можно было прочитать лучше. О том, что мир меняется, а ты — нет. Вот и я проснулся в шесть утра не только из-за Профессора. Во мне жила старая, въевшаяся привычка: подумать о делах прежде, чем они начнутся.

Но сейчас дел было немного. Если не считать визита, о котором я ещё не знал.

Боцман, окончательно проснувшись, слез с кровати, потянулся так, что хрустнули кости, выпустил когти — проверил, заточены ли — и неторопливо, с большим кошачьим достоинством, прошлёпал на кухню. Он уселся у своей миски, которая стояла в углу на старой газете (я всё собирался купить специальный коврик, но руки не доходили), и уставился на меня жёлтыми глазами — мол, ты знаешь, что делать. Требование завтрака было прочитано без слов. В этом Боцман был мастером: он умел смотреть так, что я чувствовал себя нашкодившим студентом, который забыл принести зачётку.

Я вздохнул, налил в миску молока (треть на треть с водой, как велел ветеринар — у кота почки слабые), добавил щепотку витаминов и поставил на пол. Боцман примирительно замурыкал — низко, с вибрацией, так что задрожал пол — и принялся за завтрак. Профессор наконец-то затих и принялся клевать просо, время от времени поглядывая на кота

с высоты своей клетки — мол, я выше, я в безопасности.

Я сел за стол. Галка поставила передо мной чашку мятного чая, блюдец с мёдом (липовым, прошлогодним) и тарелку с горячим хлебом, намазанным тонким слоем сливочного масла. Я отломил кусочек, отправил в рот, запил чаем. Тепло разлилось по телу, и утренняя ворчливость начала понемногу отступать.

— Саша, у меня к тебе разговор, — сказала Галка серьёзно. Она отодвинула кастрюлю, выключила газ и села напротив. Руки её — те самые, которые столько лет держали указку и проверяли тетради — теперь лежали на столе спокойно, но я заметил, как она сжимает край скатерти. Это была старая привычка: когда волновалась, она хваталась за что-нибудь тканевое.

— Я что-то сделал не так? — пошутил я, стараясь разрядить обстановку. — Пересолил вчерашний суп? Или опять забыл закрыть дверцу шкафа, и Бодман стащил колбасу? (Он, кстати, действительно стащил — вчера вечером, пока я смотрел новости. Я нашёл обёртку под диваном, но решил промолчать.)

— Ты всегда всё делаешь так, как надо. Но дело не в этом. — Галка помолчала, погладила скатерть пальцами. — Лена звонила вчера вечером, когда ты уже спал. Из Пскова.

Я отставил чашку. Лена. Дочь Галки. Та самая Лена, с которой они не разговаривали пять лет. Та самая, которая, по рассказам, была копией Галки в молодости — такая же свет-

ловолосая, с таким же упрямым подбородком и с теми же серьёзными, чуть настороженными глазами.

— Дочь? — переспросил я, хотя прекрасно расслышал. — Та самая, с которой вы пять лет не разговаривали?

— Да. Та самая. — Галка вздохнула, и я заметил, как дрогнули её губы. — Она сказала, что хочет приехать. С мужем и детьми. На целую неделю. В субботу утром.

— Это же замечательно! — я искренне обрадовался и даже хлопнул ладонью по столу. Боцман вздрогнул, поднял голову от миски и неодобрительно покосился — он не любил резких звуков, особенно когда ел. — Ты же её пять лет не видела. Пять лет — это много. Это не год и не два. Это целая вечность, когда дети вырастают, внуки появляются, а ты всё ждёшь звонка.

— Пять, — кивнула Галка. Она смотрела в окно, на берёзу за стеклом, и голос её стал тихим, почти шёпотом. — С тех пор как мы с тобой... ну, с тех пор, как я переехала. Она тогда сказала: «Мама, ты бросаешь меня ради чужого дяди». Я пыталась объяснить, что ты не чужой, что мы просто... одни, вместе, на старости лет. Что каждый человек имеет право на счастье, даже если ему за шестьдесят. Она не поняла. И замолчала.

— Она обижена? — спросил я осторожно.

— Нет. Не думаю. — Галка покачала головой. — Я знаю Лену. Она не умеет долго злиться. Но дистанция была. Мы не ссорились, мы просто... перестали говорить. Поздравле-

ния по СМС на Новый год и день рождения — вот и всё общение. Она вышла замуж, родила детей, и я узнавала об этом из редких сообщений. А теперь говорит: «Мама, я хочу познакомиться с твоим новым... с твоим Сашей». Она сказала именно так — «с твоим Сашей». Без всяких «отчим» или «муж». Просто — Саша.

— Со мной? — я даже растерялся и провёл рукой по щеке, проверяя, не зарос ли я слишком сильно. (Зарос, конечно. Я брился раз в три дня, потому что Галке нравилось, когда я немного небритый — так я, по её словам, «выгляжу как настоящий профессор из старых фильмов».) — Я же ей никто. В юридическом смысле. Да и в человеческом — чужой дядя из другого города. Я не отец, не дедушка, даже не родственник. Я — муж её матери, которого она никогда не видела.

— Ты никто, — согласилась Галка, и в её голосе зазвучала та мягкая настойчивость, которую я так любил. — Ты просто Саша. Но она хочет увидеть, как мы живём, кто этот кот, о котором я ей рассказывала (она, кстати, не верила, что Боцман ест блины, сказала — «мама, ты выдумываешь»). И того птица, которого ты завёл на старости лет и назвал Профессором. Она сказала: «Мама, ты описываешь свой дом как музей уюта. Я хочу это увидеть».

Боцман, услышав слово «кот», заявился на кухню — он всегда появлялся, когда речь заходила о нём, будто понимал человеческую речь (а может, и правда понимал). Он запрыгнул на свободный табурет и уселся, как будто его уже пригласили.

шали знакомиться с гостями — важно, с выпрямленной спиной и поджатыми передними лапами. Он свысока посмотрел на меня, потом на Галку, потом перевёл взгляд на клетку с Профессором. Птица в ответ не издала ни звука — вот что значит кошачье давление. Даже пернатый профессор знал, когда лучше помолчать.

— Когда приезжают? — спросил я, чувствуя, как внутри поднимается волна тепла и — честно признаюсь — лёгкой тревоги. Тепла — потому что Галка наконец-то увидит дочь. Тревоги — потому что меня, чужого человека, будут оценивать. Не как преподавателя на экзамене, а как... как кого? Отчима? Соседа по жизни? Я не знал, какую роль играю в этой пьесе.

— Через неделю. В субботу утром. Поездом. Я посмотрела расписание — прибывает в 9:15. — Галка назвала дату и время так, будто речь шла о научной конференции — чётко, без лишних эмоций. Но я видел, как она нервно теребит край скатерти.

Я вздохнул. Не от тяжести — от предчувствия хлопот. Хороших, приятных, но хлопот.

— Тогда надо готовиться. Компот варить.

— Компот? — Галка удивилась, и на лице её появилось выражение, которое бывает, когда человек слышит что-то неожиданное, но сразу понимает — в этом что-то есть. — Компот? Ты предлагаешь варить компот для встречи дочери, которую я не видела пять лет, а она приезжает с мужем и

двумя маленькими детьми? Не шампанское, не торт, не что-то праздничное, а компот?

— Да. Компот. Для тётчи.

— Для меня? — она не поняла. Брови её сошлись к переносице, но в глазах уже загорался огонёк — тот самый, который появлялся, когда она чувствовала подвох, но не могла угадать, в чём он.

— Для тебя, — подтвердил я. — Но для дочери тоже. И для внуков. Дети любят компот. Он сладкий, тёплый, успокаивает. И взрослым напоминает детство — бабушкин погреб, банки с закатками, долгие вечера, когда не надо было никуда спешить. Это хорошее начало для знакомства. Не напыщенное, не вычурное. Простое, как ложка. Как дружеское рукопожатие через стол.

Галка посмотрела на меня долгим взглядом. Тем самым, который она иногда бросала на свои старые фотографии — изучающим, тёплым, с намёком на улыбку. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая появлялась у неё, когда она понимала, что я прав, но не хотела этого признавать сразу. Которая говорила: «Ты опять меня переиграл, старый педагог».

— Ты чудак, Саша. Настоящий чудак. Но я тебя за это люблю.

Боцман, словно поняв, что разговор перешёл в спокойное русло, фыркнул — коротко, по-деловому — и спрыгнул с табурета. Он подошёл к клетке Профессора, сел под ней и уставился вверх. Птица, оценив кошачье присутствие, изда-

ла короткую трель — я бы сказал, одобрительную. Так профессор кивает способному студенту, который сдал экзамен без шпаргалки.

— Одобряют, — сказал я, кивая на них. — Значит, план верный.

Галка рассмеялась — тем смехом, который я слышал всё реже последние годы, который звучал как воспоминание о молодости. И я подумал: а ведь ради этого и стоит жить. Ради того, чтобы твоя женщина смеялась утром, когда за окном только-только встаёт солнце.

— Ладно, — сказала она, вытирая глаза краем фартука. — Компот так компот. Но с мятой. И с корицей. Как ты умеешь.

— Как я умею, — кивнул я.

И начал мысленно перебирать рецепт, который варил ещё тогда, когда сам был молодым зятем и пытался понравиться теще. Но об этом — в следующей главе.

За окном вставало солнце, Профессор запел снова, но уже тише — почти нежно. Боецман лёг под клеткой, положил голову на лапы и закрыл глаза. Галка встала, подошла ко мне, поцеловала в макушку — пахнущую сном и мятным чаем — и сказала:

— Спасибо, что не испугался.

— Чего бояться? — спросил я. — Детей? Компота? Того, что меня не примут? Я педагог. Я привык, что меня сначала не любят, а потом привыкают.

— Оптимист, — усмехнулась она.

— Реалист, — поправил я. — Который верит в лучшее.
И пошёл доставать кастрюлю для компота.

Глава 2. Вспоминаю себя-зятя

После того как Галка ушла доваривать кашу (она всё-таки решила сварить овсянку на сливках, потому что «утро должно быть тёплым, даже если на душе тревожно»), я остался на кухне один. Боцман, утомлённый утренней философией, перебрался на подоконник и грелся в полосе апрельского солнца, жмурясь и изредка поводя ухом — ловил воробьиный щебет. Профессор, напротив, оживился и теперь перелетал с жёрдочки на жёрдочку, время от времени издавая короткие вопросительные трели — мол, а где зрители? А когда концерт? А почему тихо?

Я встал из-за стола, подошёл к окну. За стеклом — апрель во всей своей лучезарной и одновременно слякотной красе. Почки на берёзах набухли, готовые лопнуть в любую минуту, воробьи орала на всю улицу, словно сдавали экзамен по сольфеджио без права на пересдачу. Профессор к ним присоединился, но уже тише — почувствовал, что я в раздумьях, и решил не мешать. Он вообще был чуткой птицей. Для щегла, разумеется.

— Знаешь, — сказал я, не оборачиваясь, хотя обращался к Галке, но она была в спальне, перебирала постельное бельё (для гостей нужны свежие простыни, это святое). — А ведь я когда-то сам был зятем. Тридцать лет назад. Даже больше — тридцать два, если быть точным. Иосиф Бродский где-

то писал, что точность — это вежливость королей. Но я не король, я педагог. А педагоги обязаны быть точными в датах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.